

Лион Фейхтвангер

ВЕРНЫЙ ПЕТЕР

Маршал был очень, очень стар. Его ратные подвиги прославлялись во всех хрестоматиях, тысячи улиц и площадей и множество городов носили его имя, – он был личностью исторической. Но вот уже восемь лет он жил в тиши своего поместья, недостижимый для политических дрызг.

И случилось так, что над отечеством нависла грозная опасность, и среди тех, кто был помоложе, среди шестидесяти– и семидесятилетних, не нашлось человека, чья популярность была бы столь велика, чтобы спасти страну от гибели и анархии. Тогда обратились к маршалу, умоляя его взять кормило власти в свои испытанные, негнущиеся стариковские руки. Отечество предстало перед маршалом в образе трех почтенных мужей и уверило, что понимает, как велика жертва, которой от него ждут. Но она необходима, эта жертва: страна пропала, если маршал не защитит ее.

Старец стоял перед ними, как ожившее изваяние. В нем совсем было угасли страсти. Он больше никого не любил, немногих ненавидел и всех презирал. Для него уже не существовало обычных радостей жизни. Но все еще трепетало в нем сладостное ощущение власти, памятное с той поры, когда он в последний раз держал в руках бразды правления (то было восемь лет назад). Становишься крепче, моложе, сильнее, когда сознаешь, что от росчерка твоего пера зависят судьбы сотен тысяч людей.

Итак, в глубине души маршал твердо решил откликнуться на зов отечества. У ворот дома стояли журналисты и ждали; телефонисты заброшенной в глуши маленькой деревушки получили подмогу. Маршал знал, что весь мир затаив дыхание ждет его ответа. Но с тех пор, как пятьдесят три года назад он совершил один необдуманый шаг, для него стало железным законом ни при каких обстоятельствах не торопиться, принимая решение. И вот своим скрипучим голосом маршал объявил отечеству:

– Вы требуете от меня слишком многого. Свое решение я сообщу завтра.

Что бы ни случилось, ровно в десять часов маршал удалялся спать. Так было заведено у него вот уже четверть века. Только во время войны он девять раз нарушил это правило. Ну, а сегодня он пошел спать ровно в десять.

Камердинер Петер раздел его, помог надеть ночную рубаху, сказал:

– Значит, утром, ваше превосходительство, я подам вам к завтраку два яйца всмятку.

– Так ты и впрямь считаешь, Петер, что нам следует снова вернуться во дворец?

– История ждет этого от вашего превосходительства, – ответил Петер, взбивая подушки. – Последний переезд во дворец пошел вам на пользу.

– Но я начинаю уставать от этих бесконечных выстаиваний на приемах, – рассуждал маршал вслух. – Не прошло и трех недель с тех пор, как я принял господ из легиона, и мне уже не под силу стали дальние прогулки.

– Лично я устраивал бы приемы не чаще двух раз в месяц и не больше чем по четверть часа. Выступать по радио не так утомительно, да и во всех отношениях лучше, – заметил Петер. – Ведь как вы говорили в день четырехсотлетия, ваше превосходительство! Все были потрясены, даже в тех странах, где ничего не поняли.

Петер опустил зубы маршала в стакан с дезинфицирующей жидкостью, заткнул ему кусочками ваты уши. Затем пододвинул блокнот, куда маршал, едва пробудившись, имел обыкновение записывать мысли, осенявшие его ночью.

Тем временем маршал улегся на правый бок.

– Ты и в самом деле думаешь, что они не смогут обойтись без меня? – спросил он, пока Петер укутывал его ноги.

– Не обойдутся, ваше превосходительство, – подтвердил тот.

Маршал вздохнул, свернулся калачиком, словно младенец во чреве матери, и сказал:

– Так, значит, завтра ты приготовишь мне на завтрак два яйца всмятку.

Петер был на пятнадцать лет моложе маршала. За время, пока его хозяин прошел путь от капитана до маршала, Петер тоже сделал карьеру – из денщика стал камердинером. В маршале уже давно угасла жизнь, он стал изваянием, изваянием всадника, а лошадью был Петер.

После бога никто не знал маршала лучше, чем Петер. Он помнил, как рождалась в маршале жажда власти, которая сделала его исторической личностью. Этим он был обязан каменной непроницаемости и спокойной властности своего большого лица и непоколебимому спокойствию, с каким изрекал скупые слова. Слова его были словно отлиты из бронзы. Никому и в голову не приходило, что маршал может в чем-нибудь сомневаться. Никто не рискнул бы возражать ему.

Жизнь сталкивала маршала со множеством людей, но в его сердце царил только он сам. Петер знал жестокое сердце маршала. Он понимал, что возможны такие обстоятельства, при которых даже самый гуманный человек, оказавшись он на месте маршала, вынужден будет послать на смерть сотни тысяч людей. Однако то, что хорошему человеку далось бы ценой огромных усилий, маршалу не стоило ничего. Эти сотни тысяч не интересовали его. Спокойствие, с каким он посылал их на смерть, не было показным. Если дело кончалось плохо, он только пожимал плечами, а в случае удачи именно он принимал благодарность отечества. И неизменно в десять вечера маршал ложился в постель и спокойно спал. Петер был не раз тому свидетелем.

Маршал не был глубоким мыслителем. В военной академии он усвоил правило: в сомнительных случаях лучше действовать неправильно, чем совсем не действовать. Так он и поступал. Маршал был фаталистом. Его дело – принимать решения, что же до последствий, то они его не интересовали.

Вероятно, этот чудовищный высокомерный фатализм и был причиной того, что он советовался с Петером, что предпринять, обсуждал с ним решения, определявшие судьбы страны и всего мира. Оба были родом из одной сельской местности. Предки маршала много столетий были там господами, предки Петера – их батраками. Петер был частицей той земли; когда маршал говорил с ним, он обращался

как бы к самому себе. Иногда он и в самом деле говорил с самим собой, с годами это повторялось все чаще.

По характеру и взглядам Петер и маршал были совершенно разными людьми. Петер считал, что в сомнительных случаях лучше уж ничего не делать, чем поступать неправильно. Петер любил свою страну, его глубоко волновала судьба сотен тысяч, посылаемых на смерть. Он не был фаталистом и верил в то, что, действуя с умом, можно помешать злу и делать добро. Маршал был исторической личностью. Петер был просто человеком, разумным, любящим свою родину. Маршал обладал властью, Петер – силой разума.

Петер не хотел, конечно, чтобы маршал отгадал его дерзкие мысли. Он прикидывался простачком. А то, что он говорил, было полно лукавой народной мудрости человека, небезразличного к судьбам своей страны. Он сыпал пословицами, вспоминал истории из хрестоматии, рассказывал анекдоты о своем отце и деде, явно рассчитывая повлиять на решения маршала, который был глубоко безразличен к судьбе страны.

Постепенно отец и дед Петера стали для маршала сказочными образами, хранителями народной мудрости, легендарными героями, патриархами. С их помощью Петер руководил маршалом и страной. И то, что, по обыкновению, маршал вписывал по утрам в свою книжку, было рождено под мудрым воздействием деда и отца Петера, было мыслями Петера.

В те дни, когда маршал снова стал у кормила власти, страна оказалась беззащитной перед лицом грозной опасности. Граждане изнемогали под бременем послевоенной разрухи и репараций. И просто поразительно, с каким искусством маршал в первые недели и месяцы (при помощи предков Петера) управлял государством. Даже его политические противники вынуждены были признать, что человек, которому вверены судьбы отечества, глубоко чувствует нужды народа и отнюдь не выжил из ума.

У маршала были железные нервы, он отлично переносил выпавшие на долю его народа беды и бремя государственных забот; ровно в десять он ложился в постель и спокойно спал. Петеру спалось куда хуже. Тяжелые обязанности отнимали у него все силы, решения,

которые предстояло принять во дворце, разрывали ему сердце; хотя он и был на пятнадцать лет моложе маршала, но все же и он был очень стар. И вот однажды утром, вскоре после переезда во дворец, он не смог уже принести маршалу завтрак – отец и дед призвали его к себе.

Маршал испытал даже некоторое удовлетворение. Этот Петер всю свою жизнь только и делал, что исполнял нехитрые обязанности камердинера. Он же, маршал, нес на своих плечах бремя забот о целом государстве. И все же он пережил своего слугу, хотя был старше на целых пятнадцать лет.

Радость, однако, оказалась недолгой. Франц, новый камердинер, взялся за дело с необычайным рвением. Он обращался со старцем так заботливо и бережно, словно это неможное тело было какой-то реликвией; однако маршалу Франц казался страшно неуклюжим, и он с трудом выносил его услуги. Ему доставало Петера. Этот бесхитростный малый был хранителем народной мудрости, вдохновлявшей главу государства на важнейшие решения. Маршал не мог привыкнуть даже к имени нового слуги. Он чаще называл его Петером, чем Францем, но, увы, Франц был не Петер, и маршал ревниво следил за тем, чтобы он не прикасался к заветному блокноту, в который записывались мысли, осенявшие маршала ночью.

Маршал привык к вечной, как волны, смене удач и неудач. Они затрагивали его неглубоко, но он ощущал их.

Со смертью Петера удача покинула маршала. Его решения все чаще шли вразрез с желаниями народа. Речи по радио не производили былого впечатления; фимиами уже не окутывал его густой пеленой, как прежде, – повсюду нарастал протест.

Однажды вечером, когда Франц удалился, маршал повернулся на бок, продолжая по привычке шамкать беззубым ртом.

– А что бы сказал ты, Петер? – спросил он, как спрашивал уже сотни раз.

Петер отозвался: «Вот как-то пришел к моему деду...» – и рассказал одну из своих историй. Маршал был удивлен. Ведь Петер умер, а сейчас стоит здесь, как всегда подтянутый и скромный, и что-то рассказывает. И все же это не очень поразило маршала. Ведь он частенько беседовал с теми, кого уже не было в живых, и нередко не мог бы сказать, спит он или бодрствует. В сущности, нет ничего особенного в том, что Петер и теперь продолжает ему служить: после

той чести, которую маршал оказал ему, принимая его услуги в течение десятилетий, – это вполне естественно; верность – душа чести, и что это была бы за верность, если бы она не могла устоять против смерти.

Теперь маршал каждый вечер беседовал со своим верным слугой. С тайным нетерпением ждал он, пока уйдет Франц и его место займет Петер. И когда Франц уходил, появлялся Петер и рассказывал простые, мудрые истории из жизни отца и деда, а на следующее утро маршал заносил угловатым старческим почерком его мысли в записную книжку.

Впрочем, маршалу и теперь везло не более. Его политика не встречала уже единодушного признания, как в те времена, когда его советчиком был живой Петер.

Наступил день, когда злые силы страны сочли маршала уже недостаточно покладистым и гибким. Они потребовали, чтобы он назначил канцлером человека, который был бы слепым орудием в их руках.

Маршал посоветовался с теми немногими, кого еще допускал к себе. Никто из них не осмеливался ясно высказать то, что думал. И хотя маршал не отличался особой проницательностью, он понял – они хотят, чтобы он сложил с себя полномочия. И это, очевидно, было бы разумнее и достойнее, чем оставаться главой государства и прикрывать позорные действия навязанного ему канцлера.

Маршал слушал эти осторожные намеки с неудовольствием. Доживать свои дни в поместье в обществе Франца вовсе не входило в его планы. Не так уж много лет осталось ему, и какими пустыми будут они без упоительного ощущения власти. Он не хотел назначать своим канцлером субъекта, навязываемого ему низкими силами, но еще меньше он хотел возвращаться в свое поместье.

В тот вечер маршал просто не мог дожидаться, пока уйдет Франц. Наконец постылый прикрыл за собою дверь, и Петер тотчас оказался здесь.

– Как ты думаешь, Петер, – должен я назначить такого человека? – спросил маршал. – Ведь это полное ничтожество.

Петер рассказал эпизод из жизни деда. В нем фигурировали какой-то дом и злая собака. Без злой собаки приобрести этот дом было нельзя. Конец был довольно неясен. Получалось так, что дед счел за

лучшее отказаться от дома. Но маршал, который и слышать об этом не хотел, нетерпеливо перебил:

– Что он сделал? Только говори яснее. Мямлишь так, что вообще ничего не поймешь. Ты уже здорово состарился.

Но Петер продолжал мямлить, и маршал истолковал эту историю в том смысле, что дед приобрел дом, несмотря на злую собаку.

И маршал назначил канцлером этого типа, это ничтожество, и остался главою правительства. Страна была возмущена. Вечером Петер не пришел. Маршал бурчал себе под нос что-то о неблагодарности и вероломстве черни.

Когда на следующее утро он, как обычно, взялся за свой блокнот, оказалось, что все страницы уже исписаны. Он дошел до последнего листа. Но и тот был исписан. На этот раз чужой рукой, рукой Петера. «Какой крест – такой злой, старый дурак», – прочел он.

Маршал испугался.

Он не удивлялся тому, что умерший разговаривал с ним; но то, что покойник может писать, – это не уместилось в его голове. «Теперь-то он и показал себя, – думал маршал, полный обиды. – Теперь, когда он мертв, он показал себя во всей красе, этот трус». Но запись сразила его, впервые со времени вступления во дворец он не встал утром с постели, и неотложные дела пришлось отменить.

Позже он решил, что все объясняется очень просто. Петер еще при жизни дал волю своей наглой холопской натуре, вот и все. Негодяй рассчитывал на то, что вовремя вырвет страницу. Он просчитался. Маршал прожил достаточно долго, чтобы обнаружить вероломство.

Однако это было слабым утешением. Что было не под силу событиям, которые разбили бы сердце любого человека, сделал тяжелый замогильный вздох Петера. Уверенность покинула старика, а с нею жизненные силы.

Он остался на своем месте, но его совершенно подавил тот субъект, которого ему навязали, это ничтожество.словно призрак, бродил маршал по дворцу, и весь мир понял, что эта историческая личность всего лишь мундир, увешанный орденами.

Notes